

Священные чудовища

Автор:

Наталья Александрова

Священные чудовища

Наталья Николаевна Александрова

Он запутался в собственном прошлом и в чужих историях, которые успел прочесть. Кто он – мальчик, желающий вырвать власть у жестокого отца, или жрец, придумавший свой ритуал поклонения женской красоте? Джек-потрошитель или Дон Кихот? Его тайну должна разгадать Инга, ведь без ответа на вопрос, кто он, ее враг, ей не разобраться в собственных страхах и своем прошлом...

Наталья Александрова

Священные чудовища

© Александрова Н. Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Инга с трудом разлепила глаза. Сквозь занавески в комнату сочился болезненный утренний свет. Голова раскалывалась от боли. Инга с трудом приподнялась на локте, и комната сразу поплыла перед глазами. С трудом сфокусировав взгляд, она увидела на тумбочке будильник. Какое-то безумное время – половина четвертого. Ночи? Дня? Лишнего, не существующего времени суток?

Не может быть. Если половина четвертого ночи – почему светло? Если половина четвертого дня – неужели она проспала весь день? И где, черт возьми, она была вчера вечером?

В памяти был провал, черная дыра, в глубине которой пульсировал какой-то красный глаз...

Во рту было сухо и противно, свет – даже то подобие света, которое проникало сквозь занавески, – резал глаза. И еще в комнате был какой-то запах, смутно знакомый и удивительно неприятный.

Инга повернулась и увидела на соседней подушке голову Макса. Он безмятежно спал, повернувшись к ней спиной. Темные, слегка завивающиеся волоски на затылке были влажными от пота.

Инга почувствовала невольное раздражение. Она не любила, чтобы Макс оставался у нее до утра. Короткий бурный секс – и проваливай. Ее дом – это ее личное пространство, ее нора, где она хотела чувствовать себя полной хозяйкой. С другой стороны, Макс может прояснить все насчет прошлого вечера.

Инга спустила ноги с дивана, нашарила тапочки, с трудом поднялась, тупо взглянула на будильник. Секундная стрелка не двигалась, значит, будильник просто остановился.

На нее накатила новая волна дурноты.

Господи, что же они пили вчера, что ей так плохо?

Она доплелась до кухни, глотнула теплой железистой воды, взглянула на часы на табло микроволновки. На этих часах было двадцать минут одиннадцатого.

Черт, ее же сегодня утром ждет заказчик!

Она вернулась в комнату.

Макс лежал все в той же позе, под самое горло укрывшись одеялом и повернувшись лицом к стене. Ингу уже раздражала его безмятежная поза, его крепкий здоровый сон.

– Макс, поднимайся, – проговорила она зло. – Сколько можно валяться? Уже половина одиннадцатого! Мне нужно уходить! Выметайся!

Он не шелохнулся.

Да ему на нее совершенно плевать!

Инга одним движением сдернула с него одеяло.

И попятилась, не веря своим глазам.

Это был вовсе не Макс. В ее постели, повернувшись лицом к стене, лежала женщина. Молодая женщина с красивым ухоженным телом. На талии, чуть выше копчика, темнела татуировка – полураскрывшийся бутон розы, на нем бабочка...

– Черт, что же это такое? – пробормотала Инга и, все еще не веря своим глазам, толкнула незнакомку: – Черт, ты кто такая?

Тело безвольно перекатилось на спину...

И Инга почувствовала, что сходит с ума. Точнее, уже сошла.

Перед ней действительно лежала женщина, черный треугольник внизу живота был аккуратно подбрит, под самым пупком – такая же татуировка, как на талии, нежно розовели соски. Но выше... выше было лицо Макса, его голова с коротко стриженными, слегка вьющимися волосами, двухдневная щетина на подбородке, капризный рот, небольшой, хорошо знакомый ей шрам возле правого глаза.

Сами глаза были закрыты.

И теперь – только теперь до нее дошло, какой запах она почувствовала, проснувшись.

Сладковатый, отвратительный, тошнотворный запах смерти.

– Черт, черт, – бормотала Инга, пяясь к двери и не в силах отвести взгляд от того, что лежало на ее кровати. – Черт, да что же это такое? Этого не может быть!

Она выскочила в коридор, еле успела добежать до туалета, склонилась над унитазом, и ее долго и мучительно рвало.

Когда приступ рвоты закончился, она с трудом поднялась, прополоскала рот и попыталась взять себя в руки.

Ясно, что этого просто не может быть.

У нее начались галлюцинации.

С чего – это другой вопрос. Наверное, напилась вчера какой-нибудь дряни. Дзюба ведь говорил ей, что с ее таблетками нельзя пить ничего крепче чая. В крайнем случае бокал сухого вина. И она строго соблюдала это правило. Так что же случилось вчера?

Инга плеснула в лицо холодной водой и снова поплелась в комнату.

«Господи, – бормотала она, еле волоча ноги. – Господи, сделай так, чтобы там никого не было. Сделай, чего это тебе стоит? Ты ведь Всемогущий!»

Она толкнула дверь, вошла в комнату, зажмурилась, затем открыла глаза...

Ничего не изменилось.

На смятых простынях лежало мертвое чудовище с телом молодой женщины и головой Макса.

– Нет, нет! – завопила Инга. – Нет!

Ужас навалился черной каменной плитой, в глазах потемнело. Она увидела сырой подвал, мертвое лицо, сложенные на груди руки, свечи по сторонам, бросающие багровые отблески на темные стены подвала...

Железная рука сжала сердце, дышать стало невозможно, как будто вместо воздуха легкие наполнились битым стеклом.

Ей говорили, что время все лечит. Говорили, что станет легче.

Ни фига подобного!

Время, прошедшее с той страшной ночи, словно исчезло, скукожилось, как шагреневая кожа, как змеиная шкурка. Словно все это случилось только вчера.

Нет!

Инга вылетела в коридор, бросилась на кухню, выдвинула ящик и нашла в его дальнем углу заветную пластиковую бутылочку. Трясущимися руками отвинтила крышку, вытряхнула на ладонь все, что там оставалось, – три розовые таблетки, запихнула в рот, запила чем-то, что подвернулось под руку, закрыла голову руками, чтобы защититься от наваливающегося ужаса, и затихла...

Дзюба говорил, что больше одной таблетки в день принимать нельзя, но черт с ним, с Дзубой. Он никак не мог предусмотреть такое, что случилось сегодня.

Таблетки сделали свое дело. Ужас начал понемногу отступать, рука, сжавшая сердце, слабела. Инга медленно, ровно дышала. Ее охватывало спасительное безразличие.

Труп в ее постели? Плевать!

У этого трупа женское тело и голова Макса?

Снова плевать. На все плевать!

Мысли ворочались в голове тяжело и медленно, как мельничные жернова. Но она все же поняла, что оставить все как есть нельзя, нужно что-то делать. В голове от таблеток была тоскливая звенящая пустота, однако Инга сообразила, что сама она ничего не сможет сделать, ей нужна помощь.

А помочь ей мог только один человек. Иван.

Она нашла телефон, с трудом попадая в кнопки непослушными пальцами, набрала номер.

- Что у тебя стряслось? - отозвался Иван, не тратя времени на приветствия.

- Приезжай, - с трудом выдавила Инга. Слова выползали изо рта с трудом, как паста из пустого тюбика. - Приезжай сейчас же.

- Сейчас не могу.

- Я сказала: приезжай, - повторила Инга, с трудом ворочая сухим шершавым языком.

Видно, что-то такое было в ее голосе, что Иван больше не стал спорить и упираться и коротко ответил:

- Еду.

Следующие сорок минут Инга провела на кухне, сидя на табуретке, тупо глядя перед собой и сжимая в руках пустую чашку.

Звонок в дверь раздался так неожиданно, что она выронила чашку, и та разбилась с глухим звоном. Инга вскочила, чувствуя, как в душу снова заползает черный ужас. Нет-нет, сейчас не время, и потом, она же приняла целых три таблетки, они должны помочь. Раньше помогали. Или этот мерзавец Дзюба дает ей подделку, какое-нибудь барахло? На тебе, боже, что нам негоже? Грозился

ведь, орал в прошлый раз в кабинете: «В последний раз, ты меня под статью подводишь!»

Да не посмеет он ее обмануть, Инга о нем много чего знает. Тот еще подонок.

Звонок залился грозно и требовательно, да еще в дверь кулаком бухнули. Неслышно ступая босыми ногами, Инга подошла к двери и заглянула в глазок. Там отражалась жуткая рожа с выпученными глазами. Но одна, стало быть, не полиция, эти толпой ходят.

– Иван, ты? – спросила Инга не своим, высоким голосом.

– Кому же еще быть-то? – буркнули за дверью. – Сама меня вызвала. Открывай давай, некогда мне с тобой базарить.

Она долго возилась с замком, руки не хотели повиноваться. Иван вошел хмурый и злой. Как всегда, она почувствовала исходящую от него смутную угрозу. И еще страх, затаенный, глубинный страх.

Рядом с ним Инга чувствовала себя как с хищником, от которого неизвестно чего ожидать. До поры до времени он прикидывается безобидным, но в любой момент может накинуться и растерзать. Как от хищного зверя, от него несло душным жаром и неуправляемой силой.

Но только к нему она могла обратиться за помощью. То, что связывало их, было сильнее, чем любые родственные или любовные узы. Это было общее прошлое и общий ужас.

– Что у тебя стряслось? – Иван окинул ее внимательным взглядом. – Перепила, что ли?

– Да нет. – Инга отвела глаза: до того стало страшно рассказывать ему о том, что случилось. – П-посмотри там. – Она махнула рукой в сторону комнаты.

Он шагнул в комнату.

Инга встала в дверном проеме. Иван был мужчина крупный и широкоплечий, он полностью закрывал ей обзор, но вся картина стояла у нее перед глазами. Страшным усилием воли она натянула на тело простыню, просто не могла оставить Макса – или то, что казалось Максом, – в таком виде. Так что Иван видел сейчас только голову Макса, слегка повернутую набок.

– Хахаль твой? – не оборачиваясь, спросил Иван. – Что это с ним, никак помер? – Он подошел к дивану, тыльной стороной ладони дотронулся до щеки. – Ого, остыл уже. Ты его придушила, что ли? Или сердечко от этого дела надорвалось? Мужики в группе риска. Не знал, что ты такая горячая баба, с виду и не скажешь.

– Ты дальше смотри, – проронила Инга, все так же оставаясь возле двери.

– А чего я там не видел? – огрызнулся Иван, дернув все же простыню. – Ох, да что же такое, мать моя...

Инга была начеку и успела отпрянуть от двери, иначе он смел бы ее, как пушинку, на пути в туалет, откуда тотчас слышались характерные звуки – Ивана рвало.

Вышел он, надо сказать, довольно быстро. Вот что значит здоровый мужик, сама Инга минут тридцать в обнимку с унитазом провела, может, и больше, у нее сегодня со временем вообще трудно. Да и вообще со всем, сейчас только в голове малость проясняется. Видно, не обманул Дзюба, таблетки настоящие.

Иван сел в кухне на стул и обхватил голову руками, после чего выругался трехэтажным матом и надолго затих. Глядя на него, Инга ощутила даже некоторое злорадство: а ты, небось, думал, что тебя по какой-то ерунде умоляют приехать.

– Водка есть? – спросил Иван глухо.

– Коньяк вроде был где-то...

– Давай!

Сама Инга крепких напитков в рот не брала – Дзюба неоднократно предупреждал, что вместе с таблетками это убойная смесь, запросто можно ласты склеить. Бутылкой дорогого коньяка расплатился с ней клиент, вернее, подарил эту бутылку в качестве бонуса, все повторял, что Инга здорово ему помогла.

Иван внимательно следил, как янтарная струя текла в чашку – некогда ей было искать бокалы.

– Хватит, – он отвел ее руку, – я за рулем. Хоть мента никто не тронет, однако тут ясная голова нужна.

Он выпил коньяк залпом, как водку, посидел еще немного, глядя, как большие руки, лежащие на столе, перестали дрожать, и посмотрел на Ингу в упор.

– Что это такое там? – Он мотнул головой в сторону комнаты. В глазах была растерянность. Может быть, впервые в жизни.

– Не знаю. – Инга с удовлетворением отметила, что голос звучит довольно твердо и черный ужас, заполняющий внутренности, не пропал, но отступил, поблек.

– Давай по порядку. – Иван сжал кулаки. – Рассказывай, как это очутилось в твоей постели.

– Да не знаю я! Вот совершенно ничего не помню! – закричала Инга. – Не веришь?

– Верю, что можно так надраться, что ничего потом не вспомнишь, но ты ведь вроде почти не пьешь, – прищурился Иван. – Или колес своих перебрала?

– Вообще не принимала вчера, потому что... Потому что вроде мы с Максом в бар ходили...

В голове всплыло неотчетливое воспоминание: играет музыка, не слишком чистая барная стойка, и Леша уговаривает ее попробовать новый коктейль его собственного изобретения.

Вчера это было или раньше, неделю назад или три дня? Не вспомнить, полный провал в памяти.

– Макс – это этот, чья тыква? – Иван мотнул головой в сторону комнаты. – Хахаль твой, для секса его держала?

– Угу.

– И как он был, пока в нормальном состоянии существовал, устраивал тебя?

Ингу передернуло. Потом сообразила, что Иван – майор полиции, много лет на оперативной работе, повидал всякого, его так просто с ног не собьешь, привык уже ко всему относиться с изрядным цинизмом.

– Всякого я повидал, – Иван как будто читал ее мысли, – но чтобы такое... Это же уму непостижимо. И за что ты мне такую подлянку подкинула?

Инга не стала говорить, что кроме как к нему ей не к кому больше обратиться, он и так это знал. Никого у нее нет из близких, кроме этого вот здорового грубого мужика. Он ее не больно любит, да и она не скучает, если его долго не видит. Но вот так уж сложилось, что связаны они крепко-накрепко, и со временем связь эта не ослабевает.

Стоп! Инга почувствовала, как перед глазами встает вязкая тьма, становится трудно дышать, и стены подвала смыкаются над ней, и приторный запах свечей, и их багровые отсветы колеблются на стенах...

– Эй! – Иван дернул ее за руку. – Приди в себя, не время сейчас. Потом будешь воспоминаниям предаваться.

В голосе его прозвучала досада – знал прекрасно о ее проблемах, еще бы не знать. Но он прав, сейчас не время психовать. Черт, да должны же таблетки подействовать наконец!

– Ладно, давай разберемся. – Иван говорил спокойно. – Значит, этот Макс... Фамилия есть у него? Или не знаешь?

– Максим Королев, 1981 года рождения, я паспорт видела, – ответила Инга. – Мы с ним знакомы несколько месяцев. Так, встречаемся изредка...

– Это я понял, – хмыкнул Иван. – Значит, встречаетесь. Куда-то ходите или сразу в койку, чтобы время зря не терять? Вчера куда ходили? Не тормози! – рявкнул Иван. – У меня дел выше крыши, а я тут с тобой валандаюсь.

– Не помню, – ответила Инга, – вот ничего не помню. С полдня вчерашнего – черная дыра в голове. Помню, как у заказчика была, потом вроде должны мы были с Максом встретиться. Дальше полный провал.

– Пить надо меньше, – буркнул Иван, поднимаясь. – Пошли.

– Куда? – вскинулась Инга.

– Туда, – рявкнул Иван, раскаляясь. – Ты что думаешь, так и будешь сидеть, а оно само рассосется? Или Ванечка, добрая душа, все сам разрулит, а ты будешь слезы лить и колеса свои жрать?

Инга усмехнулась. Вот насчет слез он не прав, сам знает, что она никогда не плачет. Слезы в ее жизни не предусмотрены, ничем они не помогут.

Иван круто развернулся и направился в комнату.

– Перчатки резиновые есть у тебя? – спросил, не оборачиваясь. – Потоньше?

Инга принесла ему из ванной две пары тонких перчаток. Хозяйка, что сдавала ей квартиру, работала когда-то медсестрой, перчаток этих у нее в ванной целая коробка. Еще были бинты, вата, маски и всякий устаревший медицинский хлам.

– Так, – сказал Иван, повернув тело, – свет включи, а занавески задерни плотно. Ага, крови нет, стало быть, не здесь всю эту операцию провернули, уже готовенький подарочек тебе привезли. Слушай, ты точно не помнишь, был он с тобой вчера или не был? Бабы такие вещи ведь чувствуют...

– Н-не знаю. – Инга прислушалась к себе.

Все, что она ощущала, было тупое безразличие и огромная неподъемная усталость. Сейчас плюхнуться бы в постель и лежать, ни о чем не думая...

Ага, постель. Вот как теперь она будет спать на этом диване? Да о чем она думает, черт возьми! Нашла время! Если уж она не умерла на месте, когда увидела этот кошмар, то остальное как-нибудь переживет.

Инга прислушалась к себе. Вот теперь точно таблетки подействовали. Ее охватило чугунное безразличие.

Иван между тем ощупывал голову и тело.

- Так, - сказал он, - пришито хорошо, крепко. Ничего не болтается, хорошо держится. Ты не отворачивайся, смотри, привыкай...

- С чего это мне привыкать? - окрысилась Инга. - По-твоему, мне каждый день будут такое в постель подсовывать?

- Кто тебя знает. - Иван отвечал машинально, занятый делом. - Что могу сказать? Нитки крепкие, специальные, которыми в морге трупы зашивают.

- Зачем? - невольно спросила Инга.

- Тормозишь, - спокойно констатировал он, - ладно, объясню. После вскрытия нужно зашить, так? Но это еще полбеды. А вот, к примеру, после автокатастрофы или еще какого происшествия тела, бывает, по кусочкам собирают. Как думаешь, можно родственникам такое предъявить? Люди и так в шоке, а тут еще... Вот и сошьют покрепче, чтобы в процессе, так сказать, ничего не отвалилось.

- Да поняла уж, - буркнула Инга.

- Стало быть, знающий человек тут орудовал, - бормотал Иван, - рука твердая у него. У тебя ножницы есть? И пинцет?

- Есть. А что? - Инга уже понимала, что это значит.

– А то, – теперь Иван повернулся и посмотрел на нее твердо, – что сейчас ты возьмешь ножницы и аккуратненько перережешь шов. Желательно нитки вытащить.

– За-зачем это? – проговорила Инга непослушными губами.

– Все, хватит! – Иван грохнул кулаком по боковине дивана. – Или ты делаешь, что я говорю, или я немедленно ухожу! И разбирайся сама тут с этим уродом!

– Не ори! – Инга тоже стукнула кулаком. – Не ори, соседи услышат. И не пугай меня, и так уже пуганая. Ты можешь по-человечески объяснить, что собираешься делать?

– О, – он оживился, – нормально заговорила. Слушай, доберусь я до твоего этого доктора, определю его на зону, тогда ты, может, совсем нормальной станешь? Без колес-то?

«Нормальной никогда не стану, – подумала Инга, – нормальная моя жизнь закончилась давно. Она закончилась восемь лет назад в том самом подвале, где...»

Стоп! Нельзя сейчас об этом, перед ней сегодняшняя проблема.

Иван как будто прочитал ее мысли. Точнее, он отлично все знал. Еще бы ему не знать.

– Ладно, пару слов скажу, – согласился он. – Вот как думаешь, что сейчас должен делать я, майор полиции, вызванный тобой на место преступления? Вызывать опергруппу – раз, допрашивать тебя – два, собирать улики – три, допрашивать соседей и так далее. И какой первый вывод делаю я, увидев этот кошмар? Ты сбрендила или приревновала своего хахала и ночью отрезала ему голову. А потом в припадке безумия пришила эту голову к женскому телу.

– Да зачем мне это? – Теперь уже Инга орала в голос.

– Черт тебя знает, – устало ответил Иван, – никто и разбираться не станет, это я тебе точно говорю. Определят тебя к нам, следствие быстро проведут, учтут

твои колеса, без которых ты жить не можешь, определяют в спецпсихушку. А дело закроют, это стопудово. Я ничего не смогу сделать, потому что как узнают о нашем с тобой знакомстве, да еще та история на свет выплывет, так меня сразу от дела отстранят.

- И что ты собираешься делать? - угрюмо осведомилась Инга.

- Собираюсь нарушить закон и пренебречь своими служебными обязанностями. Ради нашей... ради всего, что нас связывает. - Иван отвел глаза.

- Ты не веришь, что это не я?

- Это неважно. - Теперь он спокойно встретил ее взгляд. - Ты меня вызвала, чтобы я помог. Я приехал и тебе помогу, только слушайся и делай что велят.

- Я согласна, - пробормотала Инга.

- Тело мы вывезем и выбросим в мусорный контейнер на моем участке, чтобы нашли его быстро и ко мне дело это попало. Чтобы я руку на пульсе держал. Но без головы, потому что если такое увидят, то точно нам дело не поручат, управление себе заберет, там у них отдел специальный по маньякам. И вообще по голове и опознать можно. Этот твой, как его, Макс, с кем жил?

- Один вроде, - неуверенно ответила Инга. - Что не женат - это точно, я паспорт видела.

- Все равно, с работы или соседи хватятся, что нет его, подадут в розыск, по фотке его и вычислят. А тебе это надо? Вас вместе, уж наверное, хоть кто-то видел.

- Да мы не скрывались.

- Вот то-то. Так что давай, неси ножницы. Хотя погоди-ка, давай это в ванну перенесем, а то мало ли что, потом весь диван изгадишь... А ванну вымоешь с хлоркой - и все.

«Еще и ванна, - с тоской думала Инга, - теперь еще и в ванную не зайти будет».

– Что стоишь, – прикрикнул Иван, – бери ее за ноги! Не бойсь, не лягнет, она уж давно мертвая.

Тело упало в ванну с глухим стуком, как деревянное. Совершенно некстати Инга подумала, что, если хозяйка увидит отбитую эмаль, не оберешься потом шуму и причитаний. Вот как раз самое время ей сейчас бояться хозяйку.

«Это не Макс, – твердила Инга про себя, выковыривая нитки, – это не он, не его голова. Это манекен, он ничего не чувствует, он уже давно мертв, он ничто. Не эти волосы я гладила только вчера, не в эти глаза смотрела. Не эти губы мне улыбались».

– Осторожнее, – прикрикнул Иван, – следов не оставляй! Нитки все до одной вытащи. Попадется какой шустрый докторишка, эксперт медицинский, еще начнет вопросы задавать – откуда нитки да что там к ней пришито было. Начнет приматываться, копать глубоко, а нам с тобой это ни к чему.

Наконец эта мука закончилась. Иван аккуратно отделил голову Макса от тела.

– Так, – сказал он, – похоже, Макса твоего недавно убили, суток еще не прошло. Видишь, он скотчем все заклеил, чтобы не кровило. Неси чистый мешок для мусора. Перчатки не снимай!

Он опустил отрезанную голову в черный непрозрачный мешок и затянул завязки. Инге сразу стало легче.

– Теперь с ней. – Иван внимательно осматривал тело. – Что ты можешь сказать о ней?

Инге уже было все равно.

– Женщина была очень и очень ухоженная, наверняка обеспеченная, – заговорила она, – за собой следила не от случая к случаю, а постоянно. Фитнес там, солярий – видишь, кожа загорелая и следов купальника нет.

– Не шлюха, – перебил Иван, – у тех ногти накладные, гладкости такой нет. И вообще, сразу видно, что бабенка не из простых, уж больно холеная. Даже

сейчас заметно...

- Ага, маникюр-педикюр дорогой и все такое, - согласилась Инга.

- Сфоткай татушку ее на свой телефон, - приказал Иван, - мне нельзя светиться. На всякий случай.

Инга решила не спорить.

- Ладно, время поджидает. - Иван глянул на часы. - Во что бы ее завернуть...

- Да хоть в эту простыню.

- Ни в коем случае! Это же твоя простыня, ты же на ней спала. Там следов твоих сколько!

Ингу снова затрясло при мысли, что она полночи пролежала рядом с трупом.

- Ты бы еще бабушкину скатерть предложила с монограммой!

- Да нет у меня бабушкиной скатерти. Вообще никакой скатерти нет, ты не хуже меня знаешь.

- Пленку бы хорошо, да у тебя ведь нет.

Пленка, как ни странно, у Инги в хозяйстве была. Квартиру эту она снимала уже больше года и потихоньку приводила в порядок - уж больно противно было смотреть на висящие лоскутьями обои и куски старой краски на дверях. Когда была в подходящем настроении, Инга сама покрасила двери в комнату и кухню, подклеила обои и даже заменила треснувший унитаз.

На очереди было еще много всего, так что пленка так и лежала в кладовке - не покупать же каждый раз новую.

Пленка была пыльная и заляпанная краской, но Иван сказал, что так даже лучше - она непрозрачная.

Иван подхватил длинный тюк и бросил через плечо, что остальное берет на себя: он знает одиночный мусорный контейнер, там поблизости камер нет, людей тоже, и бабки любопытные в окна не пялятся.

- А ты займись головой, спрячь так, чтобы никто не нашел.

- Я? - Инга оторопела, попятилась. - Куда ее? В лесу, что ли, закопать?

- Я сказал спрятать, а не закопать! - рявкнул Иван. - Чтобы, если нужно, можно было найти. Мало ли что. Лес - это ненадежно, увидит кто-нибудь, собака унюхает. Если только подальше, но куда ты попрешься? Ладно, сама придумай, куда ее деть. Тут разберись. - Он кивнул на разоренную постель.

- Да я все выброшу!

- Не надо. Нужно в стиралку запихнуть на самый мощный режим. И порошка ядерного побольше положи.

- Да я на эти простыни в жизни не лягу!

- Потом можешь выбросить, только не в своем дворе. Все, я пошел. Мне не звони, сам на связь выйду, если что.

Инга заперла за ним дверь и бессильно сползла по стене на пол.

Просидев так какое-то время, она спохватилась, что, хоть тела больше в квартире нет, есть голова Макса, и, если припрется вдруг хозяйка или еще кто и найдут тут это самое, будет конец света. Нет, лучше об этом не думать.

Но кто, кто мог сотворить такое? Кто убил Макса и эту незнакомую женщину, зачем устроили эту кошмарную инсталляцию? И почему подбросили этого монстра именно ей?

От таких вопросов точно в голове не прояснится, только хуже будет. Иван молодец - сосредоточился на неотложных делах и ей велел сделать то же самое. Сейчас главное спрятать куда-то голову, а подумает обо всем она потом.

Думать придется, так просто от этого дела не отмахнешься.

На миг ей показалось, что за ней наблюдает огромный красный пылающий глаз, он проникает прямо в мозг и выжигает все внутренности – добела, до гулкой звенящей пустоты. Инга помотала головой, чтобы избавиться от наваждения, и встала.

Умылась на кухне – не могла зайти в ванную. Нашла в кладовке пустую коробку, затолкала в нее мешок с головой и тщательно заклеила коробку скотчем. Затем сунула скомканные простыни в стиральную машину – потом, все потом! – и вышла из дома, натянув первое, что попало под руку.

Сидя на полу в прихожей, она придумала, куда может спрятать голову Макса. Раз нельзя закопать в лесу (тут Иван прав, куда она попрется осенью, машина может завязнуть, да еще лопату нужно с собой брать, а это подозрительно), тем более Иван велел сохранить голову в товарном, так сказать виде, нужно положить ее в морозилку. Только не в своей квартире, еще чего не хватало.

Нужно положить в такое место, где холодно всегда. И такое место у нее есть. Как раз недавно она чистила компьютер в одном ресторане. Директор его Эльдар Георгиевич очень ее благодарил, поскольку в компьютере у него была не только белая, но и черная бухгалтерия и без этого компьютера он был буквально как без рук. И все это полетело, по его собственному выражению, к чертям собачьим, какой-то вирус все уничтожил.

Инга все восстановила, антивирусники поставила, да еще в качестве бонуса показала Эльдару, как скрыть нужные файлы от не в меру любопытных глаз. Знающий человек, конечно, разберется, но много ли их, знающих-то.

Лифт остановился, в нем уже была какая-то тетка, кажется, Инга видела ее раньше. Сейчас, увидев Ингу, тетка брезгливо поджала губы. Краем глаза Инга оглядела себя в зеркале лифта – да, если честно, тетка имеет право быть недовольной. В зеркале отражалось форменное чучело: волосы растрепаны, глаза совершенно больные, лицо бледное до синевы. Иван бы ее в таком виде точно из дома не выпустил, у нее же просто на лбу написано, что она преступница. Еще коробка эта, подумают, что украла что-то, вскроют, а там... Инга поймала в зеркале взгляд тетки, теперь уже испуганный.

Двери лифта открылись, тетка скакнула из него испуганной зайчихой. Инга кое-как разгребла волосы пятерней и постаралась раздвинуть в улыбке слипшиеся от сухости губы. Получилось еще хуже.

Она сразу же свернула за угол, чтобы не тащиться через весь двор со своим ужасным грузом.

На улице Инга махнула рукой проезжающей маршрутке, влезла, прижимая к груди коробку со страшным содержимым, устроилась на свободном месте.

Мальчишка, который сидел напротив, испуганно взглянул на Ингу и что-то зашептал матери, толстой блондинке с круглыми пустыми глазами. Та пристально, в упор посмотрела на Ингу. Инга ответила ей таким же прямым беззастенчивым взглядом. Видимо, таблетки Дзюбы еще действовали.

Вдруг маршрутку резко занесло, пассажиры едва не попадали с сидений, Инга не удержала коробку, и та упала на пол к ногам беспокойного мальчишки.

– Как ведешь, чурка безрукий! – крикнула его мать водителю. – Первый день за рулем, что ли?

Мальчик потянулся к коробке, но Инга коршуном бросилась на нее и снова схватила, прижала к груди.

Сердце билось в горле.

Она представила, что коробка могла разорваться и все могли увидеть то, что внутри. Хорошо хоть пакет для мусора непрозрачный.

К счастью, скоро маршрутка подъехала к ресторану. Инга выскочила, быстрым шагом направилась к служебному входу.

Ресторан назывался «Сиртаки» и обещал посетителям греческую кухню, хотя хозяин был грузин, шеф-повар – туркмен и среди персонала вряд ли нашелся бы хоть один грек.

С тех пор как она почистила компьютер, ее здесь встречали как родную, хозяин велел кормить бесплатно хоть каждый день. Повар Рахмет, увидев Ингу в коридоре, засиял:

- Инга-джан, хочешь покушать? У меня сегодня мусака очень вкусная, хочешь мусаки?

- Спасибо, Рахмет, я не голодная, - ответила Инга, которой страшно было и подумать о еде.

- Как не голодная? - возмутился Рахмет. - Ты, извини, пожалуйста, на скелет похожа. По тебе можно в школе кости изучать. Тебе нужно хорошо кушать! Ты ведь замуж хочешь выйти, а мужчина - не собака, он на кость не бросается.

- Я пока замуж не собираюсь.

- Как не собираешься? Каждая женщина замуж собирается! Как это можно замуж не собираться? Каждой женщине муж нужен! Женщина без мужа - это половина человека.

- Ты мне лучше вот чем помоги, - перебила его Инга. - У вас ведь морозилка большая и вы ее никогда не выключаете?

- Конечно, не выключаем, как можно выключать, у нас же все мясо испортится!

- Так можно мне у вас в морозилке вот эту коробку на время оставить? А то у меня холодильник сломался. Ты не бойся, - заторопилась Инга, увидев неуверенность в глазах Рахмета, - здесь не бомба, здесь компьютерные диски. Их непременно нужно хранить в темном и холодном месте, иначе на них вся информация испортится.

- Испортится, как мясо, - с пониманием кивнул Рахмет, для которого все, что связано с компьютерами, было загадочно и непостижимо, как загробная жизнь.

- Так можно эту коробку у вас оставить?

- Можно, Инга-джан, тебе все можно!

- Только ее ни в коем случае открывать нельзя, а то все внутри испортится!

- Что ты, Инга-джан, разве я не понимаю!

Он проводил Ингу в кладовую и открыл дверцу огромного морозильного шкафа. Инга увидела огромные куски мороженого мяса, разделанные туши в сгустках замерзшей крови, и у нее потемнело в глазах. Вспомнила мертвое тело в ванне, вспомнила, как разрезала ножницами нитки...

С трудом преодолев дурноту, Инга положила коробку в самый дальний угол, за миску с требухой. Повернулась к Рахмету.

- Может, все-таки съешь мусаку? - снова завел он свою песню. - Ты что-то совсем бледная! Да только попробуй - пальчики оближешь! Как для себя готовил!

- Спасибо, Рахмет, как-нибудь в другой раз.

Глава 2

На автопилоте она вышла из ресторана, прошла еще несколько шагов и остановилась, прислонившись к стене.

Ее трясло, сердце бухало, как отбойный молоток, серое тяжелое небо давило невыносимой вязкой тяжестью. И снова, как во время прежних приступов, перед глазами отчетливо встала та ночь, самая страшная ночь в ее жизни.

Сырые стены подвала, озаренные отблесками свечей, низкий, давящий страшной тяжестью потолок, мертвое лицо сестры, сложенные на груди руки... И запах, приторный запах, который издавали ароматические свечи, и запах смерти, и чувство ужаса от осознания того, что сестра мертва и ничего уже больше не поправить. Она еще не подошла ближе, не коснулась этих сложенных рук, спокойного Линкиного лица, но знала, что все кончено. А потом - глухой удар, и Ингу накрыла темнота.

Усилием воли она теперь не скользнула в спасительную тьму, а осталась в сознании. Услышала странный ритмичный звук и не сразу поняла, что это стучат ее собственные зубы. Ужас накатывал черной волной, грозя накрыть ее с головой...

Мимо шла бедно одетая старуха, покосилась на Ингу с испугом и презрением и прошипела:

– У, наркота проклятая!

– Да пошла ты, – огрызнулась Инга и полезла в карман за флаконом с таблетками.

И только тогда вспомнила, что приняла утром три последние таблетки из этого флакона.

Черт, что же делать?

Придется снова ехать к Дзюбе, уже второй раз в этом месяце.

Инга вспомнила доктора Дзюбу, его влажные руки, сальный похотливый взгляд, фальшивый нравоучительный тон, и ей стало еще хуже. Но выхода нет, без таблеток она долго не протянет.

Нетвердой походкой она подошла к краю тротуара, махнула рукой проезжающей машине.

Автомобиль остановился, водитель приоткрыл дверцу, разглядел ее и попытался уехать, но Инга вцепилась в дверцу мертвой хваткой, втиснулась на сиденье и прохрипела:

– Серебряков переулок, это около Черной речки...

– Это к наркодиспансеру, что ли? – спросил водила, убедившись, что высадить ее не удастся. – Деньги вперед!

– На, держи свои деньги, только вези скорее!

– Не сдохни только у меня в машине, – неприязненно пробормотал водитель, но больше спорить не стал, поехал.

Мимо проносился мрачный, угрожающий город. Дома кренились, смотрели на Ингу своими окнами, словно глазами, полными ненависти. Инга опустила веки, чтобы ничего не видеть, но стало только хуже: перед внутренним взором появился темный подвал, колеблющееся пламя свечей, мертвое лицо. И этот приторный запах смерти...

– Приехали, – проговорил наконец водитель, – вот он, твой диспансер. Вылезай!

Инга буквально вывалилась из машины, поплелась к длинному четырехэтажному зданию из унылого серого кирпича, с трудом поднялась на крыльцо.

Дежурный в дверях увидел ее лицо, шагнул навстречу, но Инга отмахнулась от него:

– Я в двенадцатый, к Степану Прохоровичу!

Дежурный сразу поскутнел, отступил в сторону.

Инга покачнулась.

На улице ей было плохо, но теперь в помещении стало в тысячу раз хуже. Потолок давил на нее, как будто Инга снова оказалась в том подвале, стены надвигались, пытались раздавить ее, как жалкое насекомое. Невидимая рука сжимала горло, дышать становилось все труднее.

Инга сжала зубы, проковыляла по коридору, толкнула знакомую дверь. Дзюба сидел за столом, на краешке примостилась молоденькая медсестра, качала ногой в открытой туфельке.

Дзюба что-то вполголоса говорил сестричке, улыбаясь своей скользкой улыбкой. Увидев Ингу, помрачнел, что-то шепнул девушке, и ту словно ветром сдуло.

Инга плюхнулась на стул по другую сторону стола. С трудом справившись с голосом, проговорила:

- Дай таблеток...

- До чего ты себя довела, - начал Дзюба своим лживым фарисейским голосом. - Смотреть же страшно!

- Не смотри, - огрызнулась Инга, - я к тебе не в гляделки играть пришла. Дай таблеток.

- Ты же только две недели назад ко мне приходила! Неужели закончились?

- Значит, закончились. Говорят тебе: дай таблеток. Не видишь, я погибаюсь?

- Ты же хорошо знаешь, как мне трудно их доставать, - ныл Дзюба, а в глазах уже крутились колесики - он прикидывал, как бы на ней нажать.

- Дай таблеток! - выкрикнула Инга, перегнувшись через стол и схватив его за воротник халата. - Хоть одну!

- Сядь! - прикрикнул на нее Дзюба. - Будут тебе таблетки, только возьми себя в руки.

Инга шумно вздохнула, села, не сводя взгляда с толстых волосатых пальцев Дзюбы. Он достал из кармана ключ, открыл и выдвинул ящик стола, вынул оттуда флакон, вытряхнул одну таблетку, протянул ей, плеснул в стакан воды.

Инга проглотила таблетку, запила, стуча зубами о край стакана, умоляюще взглянула на Дзюбу:

- Дай еще одну!

- Нет, - отрезал он, пытаясь поймать ее взгляд. - Сколько ты сегодня уже приняла?

- Две, - пробормотала Инга. - Три...

- Все, больше сегодня нельзя, иначе загнешься. А мне неприятности ни к чему. Это же надо - три таблетки! Запросто могла кони двинуть! У тебя что, совсем крыша съехала?

- Но ты же дашь мне еще один флакон?

- Дам, когда ты придешь в себя и поймешь, что я тебе говорю. Когда станешь похожа на человека.

Инга вцепилась в край стола, ломая ногти.

Но волшебная таблетка начала действовать, черный ужас понемногу схлынул, железная рука, сжимавшая горло, постепенно разжалась, стало легче дышать.

- Вижу, что тебе полегчало, - удовлетворенно проговорил Дзюба.

Он надел ей на руку манжет тонометра, измерил давление.

- Ничего, жить будешь. Скажи, а что это тебя сегодня так припекло? Ты на себя была не похожа.

- Не знаю. - Инга опустила глаза в стол.

Она вовсе не собиралась рассказывать Дзюбе о сегодняшнем кошмарном пробуждении. Это такая гнида - ему только дай повод, будет потом ее шантажировать. Инга знает, что он ничем не брезгует. Надо же, мразь мразью, а вот не обойтись ей без него. И она перевела разговор на другое.

- Я совсем не помню вчерашнего вечера. Может, я что-то выпила, и после этого случился провал в памяти. Просто черная дыра.

- Говорил тебе, чтобы ты не пила крепких напитков!

- Да я и не пила. Вроде бы.

- Вообще какая-то странная реакция, - задумался Дзюба. - Знаешь, зайди после меня в лабораторию, пусть тебе сделают анализ на токсикологию. - Он написал направление, передал его Инге.

- И что, это все?

- А чего тебе еще?

- Не валяй дурака! Давай новый флакон! - потребовала Инга.

- Черт бы тебя побрал, - затянул Дзюба свою обычную песню. - Я тебе говорил - не больше одной таблетки в день? Значит, тебе флакона должно было хватить на полтора месяца, а ты за две недели все сожрала. Ты же загнешься!

- Дзюба, кончай свою проповедь, - оборвала его Инга. - Тоже мне добрый дядюшка нашелся. Тебе на меня наплевать, ты на мне просто деньги зарабатываешь, и неплохие. Я же тебе за эти таблетки вдесятеро переплачиваю!

- Одно другому не мешает, - огрызнулся Дзюба. - Деньги деньгами, а неприятности мне не нужны. Но я думаю, мы с тобой договоримся. Даже уверен...

Он положил свою волосатую лапу на ее руку, заглянул в глаза проникновенным собачьим взглядом.

- Отвянь! - вскрикнула Инга, выдернув руку. - Я тебе еще когда сказала, чтобы ты ко мне не лез. У меня на тебя аллергия! У меня от одного твоего вида сыпь на коже!

- Да ты что подума-ала? - протянул Дзюба. - Размечта-алась! Нужна ты мне! Одни кости! Курица ошипанная! Тобой подавиться можно! Да мне только пальцем шевельнуть, такие девки набегут...

- Тогда зачем ты меня за руки хватаешь?

- Для создания доверительной атмосферы. Хочу сделать тебе выгодное предложение.

- Считай, что ты ее уже создал. Доверительную атмосферу. Говори, чего тебе от меня нужно.

- Понимаешь, девочка, - затянул Дзюба, просительно заглядывая ей в глаза.

Инга насторожилась. Когда Дзюба называл ее девочкой, это значило, что он задумал какую-то особенную гадость. Ее даже замутило от этих мыслей.

- Понимаешь, девочка, - повторил он. - У меня есть один знакомый, очень большой человек...

- Баскетболист, что ли? Или тяжелоатлет?

- Не смешно, - огрызнулся Дзюба. - Это действительно очень влиятельный человек. И у него особенные вкусы. Как раз ему нравятся такие, как ты, кожа да кости. Опять же ты, я знаю, натуральная блондинка, такой арийский тип...

- Что-о?

- Ты дослушай, дослушай! Если бы ты навестила этого человека сегодня вечером... И еще нарядилась в эсэсовский мундир и сапоги, знаешь, во все черное...

- Ты что, Дзюба, совсем свихнулся?

- Да почему я свихнулся? Во-первых, это не у меня, а у него такие оригинальные вкусы. Во-вторых, о вкусах вообще не спорят, кому-то нравятся медсестры, кому-то деловые женщины, кому-то даже налоговые инспекторы. А я бы дал тебе флакон таблеток совершенно бесплатно! Как тебе такое предложение?

- Значит, хочешь меня подложить под этого большого человека? - тихим звенящим голосом проговорила Инга. - Хочешь стать моим сутенером?

- Зачем же так грубо. - Дзюба поморщился. - Это будет просто обмен услугами. Бартер, как раньше говорили.

– Я тебя послушала, – Инга внезапно успокоилась, – теперь ты послушай меня. И слушай очень внимательно.

Она внезапно поднялась, перегнулась через стол, схватила Дзюбу за лацканы халата и ударила его лицом об стол. Он странно вскрикнул, поднял голову. Лицо было в крови.

Инга села на прежнее место, взглянула на Дзюбу насмешливо:

– Все понял?

– Ты с ума сошла, – прошипел он, вытирая кровь с лица. – Окончательно съехала с катушек!

– Нет, Дзюба, это ты съехал с катушек, если делаешь мне такие предложения. Глаза бы мои тебя не видели! Я бы ушла сейчас отсюда и больше никогда не возвращалась, да вот беда – мне не прожить без твоих таблеток.

Глаза Дзюбы мстительно блеснули, разбитые губы сложились в некое подобие улыбки:

– Вот и проваливай сейчас же! Никаких таблеток я тебе больше не дам – ни сегодня, ни когда бы то ни было! Я тебя пожалел, тварь подзаборную, а ты...

– Видимо, ты меня плохо слушал, – процедила Инга угрожающим голосом. – Видимо, ты меня не понял. Ты дашь мне сейчас флакон таблеток, а лучше сразу два, и будешь давать каждый раз, когда мне снова понадобится. Не бойся, не разоришься, даром мне от тебя ничего не нужно...

– И не подумаю!

– Не подумаешь? А если я напому тебе об одной девочке? Кажется, ее звали Света. Кажется, она была из очень приличной семьи. И это именно ты подсадил ее на наркоту. И сделал ее шлюхой. Сначала так же вот подкладывал под своих влиятельных знакомых, потом, когда она потеряла товарный вид, стал ее сдавать напрокат за небольшие деньги своим знакомым. А потом твои знакомые заигрались, и она умерла, а ты оформил липовое свидетельство о смерти...

- Ты ничего не знаешь, - пробормотал Дзюба, но глаза его предательски забегали. - Ты ничего не сможешь доказать.

- А мне и не придется ничего доказывать, - спокойно ответила Инга. - Я ведь не пойду с этим в полицию. Я просто расскажу всю эту историю ее брату. Знаешь, кто у нее брат?

- Не знаю. - Дзюба втянул голову в плечи. - Ладно, говори, чего ты хочешь, и проваливай...

- Давно бы так. Ты знаешь, чего я хочу. Давай для начала два флакона таблеток, а там посмотрим...

- Двух у меня нет, - отрезал Дзюба, - мне их привозят по одному. Больше держать опасно.

- Ладно, давай сколько есть. - Инга поняла, что на этот раз подонок не врет.

Дзюба снова открыл ящик стола, с тяжелым вздохом достал флакон и отдал ей.

- Не забудь, только одну таблетку в день, если не хочешь загнуться или стать овощем!

Инга ничего не ответила, спрятала заветный флакон, поднялась и вышла из кабинета.

Однако прежде чем покинуть диспансер, зашла в клиническую лабораторию. Пожилая опытная сестра приняла у нее направление, усадила на стул, взяла кровь из вены.

- Когда будет готов ответ?

- Завтра утром.

- Понимаете. - Инга заглянула ей в глаза и не нашла там ничего, кроме усталости. Эта женщина в своей жизни видела столько, что ее ничего больше не могло удивить. - Понимаете, я, наверное, не смогу прийти сюда еще раз. Вы не

могли бы прочитать мне ответ по телефону? Найдите компетентного врача, чтобы он все расшифровал, мне нужен подробный отчет...

Медсестра взглянула на подпись в направлении и усмехнулась одними губами. Как видно, отлично знала, что собой представляет Дзюба.

– Зачем мне врач, – вздохнула она, – сама научилась разбираться за столько-то лет.

– Спасибо вам. – Инга подпихнула за карточку тысячную купюру и бумажку с нацарапанным номером своего телефона.

Михеич огляделся по сторонам и подошел к мусорному контейнеру.

Положение его было небезопасное: он находился сейчас не в своем районе, на чужой территории, если застанут местные – можно и по шее схлопотать.

Но, как назло, в собственном его районе сегодня не было ничего хорошего.

Михеич обследовал мусорные контейнеры на предмет всевозможных нужных деталей и стройматериалов: уголков, переходников, тройников, резьбовых соединений, да хоть бы обрезков трубы и прочих полезных вещей, которые выбрасывают заевшиеся хозяева и мастера по окончании ремонта.

Михеич такие детали подбирал, тщательно отмывал и давал им новую жизнь – он сам занимался мелким ремонтом сантехники и водопровода, и найденные в мусоре детали помогали сэкономить лишнюю сотню рублей.

Михеич был человек не брезгливый. При его работе брезгливость слишком дорого обходится. Он отодвинул в сторону мешок с бытовыми отходами и увидел под ним большой сверток, завернутый в заляпанный краской полиэтилен.

Краска на полиэтилене говорила о недавно законченном ремонте, а значит, в этом свертке вполне могли оказаться полезные вещи, к примеру, детали сантехники.

Михеич воровато оглянулся по сторонам, перегнулся через край контейнера, потянул за полиэтилен.

Под пленкой показалось что-то неприятно розовое. В душе Михеича шевельнулся противный червячок, захотелось вдруг бросить все и уйти отсюда как можно быстрее. И никогда не возвращаться в это нехорошее место. В самом деле, уж так запрятали эту помойку, вроде и домов-то рядом нету, откуда только мусор берется.

Но с другой стороны, сверток большой, вполне можно найти там что-то нужное. Не в его положении морду воротить.

Михеич потянул посильнее, что-то не пускало сверток. Тогда он дернул что было сил, полиэтилен разорвался...

И Михеичу стало плохо. Потому что это большое и тяжелое оказалось женским телом. Телом без головы.

Вот именно, ноги были, руки тоже, все остальное в наличии, а головы не было. Михеич почувствовал, как левое плечо и лопатку заломило, как будто схватил их кто-то когтистой лапой и не собирается отпускать. В глазах потемнело, и Михеич опустился прямо в жидкую помоечную грязь.

В это время кто-то пнул его ногой, и сверху послышался хриплый голос:

– Ты, старый пень, чего на чужом месте орудуешь? Отдай чего нашел, здесь я хозяин!

Голос принадлежал гнусному лохматому мужику, от которого несло невообразимой вонью. Уж на что Михеич человек небрезгливый, так и то закашлялся. Но запах подействовал на него как нашатырь – он малость оклемался.

Снизу Михеичу показалось, что мужик этот огромный, полнеба закрывает.

– Людей зови, – сказал Михеич слабым голосом, – вон, гляди, чего в мусорке было.

– Мама, – сказал мужик басом. Разглядел находку и бросился бежать сломя голову.

Михеич понял, что никто ему не поможет, и попытался встать. Не удалось, ноги по-прежнему не держали. Михеич подумал, что так он и помрет тут, на помойке, когда появились люди – дворник лопотал что-то по-своему, был еще какой-то тип, по виду мелкое начальство. Из-за угла заворачивала машина с синей мигалкой, как видно, местный бомж не совсем совесть потерял, позвал все же на помощь.

Инга вышла из диспансера и прислушалась к себе.

Все было не так уж плохо, лучше, чем можно было ожидать. Давящий ужас отступил, рука, сжимавшая горло, разжалась. Инга догадалась, в чем дело: она приняла еще одну таблетку, но главное – в кармане лежал целый флакон, и она знала, что в любой момент может принять еще. Хотя лучше бы этого не делать, пока она может бороться со своими страхами. Пока может бороться с ужасными воспоминаниями той ночи... Той ночи, когда вернулась домой и увидела распахнутую крышку погреба.

Инга снова услышала скрип ступеней под своими ногами, увидела подвал, освещенный неровным светом свечей, и мертвое лицо сестры.

Перед глазами снова за клубился черный мрак. Инга машинально потянулась за флаконом с таблетками, но усилием воли остановила себя.

Дзюба, конечно, мерзавец, но в одном он прав: не нужно увеличивать дозу, не нужно усиливать зависимость от этих таблеток. Сегодня она и так приняла слишком много. Пока можно держаться – нужно взять себя в руки.

Инга несколько раз глубоко вдохнула сырой осенний воздух, и ей снова стало легче.

Ладно, нужно чем-то занять голову. Пока она в состоянии думать о чем-то, кроме той ужасной ночи, нужно попытаться понять, что же случилось с ней вчера. Попытаться вспомнить, где она была и что делала, заполнить событиями черную

дыру вчерашнего вечера.

Они с Максом где-то сидели, она что-то выпила... вот только где они были? И был ли с ней Макс? Очевидно, был, не дошла она еще до того, чтобы одной по барам болтаться и мужиков случайных клеить.

Чаще всего они проводили время в баре «Чемодан» на Петроградской стороне. С тамошним барменом Лешей у нее была, можно сказать, дружба, пару раз она чистила ему компьютер, переставляла систему, ну и вообще с ним приятно было поболтать. Вряд ли Леша напоил бы ее какой-то дрянью. Он вообще-то парень неплохой. Единственный минус – болтливый очень.

Инга снова поймала машину, на этот раз без проблем, и через двадцать минут вошла в гостеприимные двери «Чемодана».

Бар был оформлен разными винтажными вещичками: тут и там стояли старые чемоданы и саквояжи, на стенах висели выцветшие афиши и плакаты прошлого века, на видном месте красовался допотопный патефон, а рядом с ним возвышался бюст Карла Маркса.

Время было раннее, в баре почти пусто.

Леша за стойкой перетирал бокалы и слушал записи Астора Пьяццолы. Увидев Ингу, он оживился:

– О, привет! Рано ты сегодня! Может, все-таки попробуешь мой новый коктейль?

– Что ты, – Инга отмахнулась, – ты же знаешь, я не пью. Почти не пью.

– Да знаю, ты и вчера отказалась. А этот коктейль совсем легкий. Ты только попробуй – очень вкусно! И ни за что не догадаешься, что я там намешал. Я думал, ты подскажешь мне название, а то коктейль есть, а названия нет...

– Лучше свари мне чашку кофе.

– Без проблем. – Леша повернулся к кофемашине, перехватил ее взгляд в зеркале и спросил: – Что, нашла этот «Хаос»?

- Хаос? – недоуменно переспросила Инга. – О чем ты?

- Как же, ты вчера сидела здесь, ждала своего друга, а потом он позвонил и позвал тебя в бар «Хаос». Сказал, что хочет тебя с кем-то познакомиться. Ты меня еще спросила, где этот самый «Хаос» находится. А я о таком баре никогда и не слышал. Хорошо, тут же сидел Гоша Свиридов, он сказал, что этот «Хаос» недавно открылся на Девятой линии Васильевского. А ты что, не помнишь, что ли? – В его глазах мелькнул насмешливый интерес. – Значит, все-таки напилась вчера? А мне говоришь, что не пьешь.

- Да помню, помню, – отмахнулась Инга, – просто не сразу врубилась. Сахара мне не надо.

Она выпила чашку кофе и отправилась в туалет, потому что в глазах Леши увидела настороженность. Он, конечно, парень хороший и давно ее знает, поэтому ничего не сказал. А в незнакомое место в таком виде соваться не стоит, сразу от ворот поворот получишь.

И там только сообразила, что у нее нет с собой сумки. Вот интересно, у Дзюбы, что ли, ее забыла? Да нет, похоже, вообще дома оставила. Машинально рассовала по карманам кошелек, мобильник, ключи и пошла с коробкой наперевес как дура.

Плохо, потому что женщина без сумки вызывает подозрение. И косметики никакой нет.

На полочке перед раковиной кто-то оставил обломок расчески. Инга расчесала волосы, вымыла лицо, промокнула его салфеткой. Вид в зеркале стал просто унылый, хоть люди шарахаться не станут. Пора дальше идти по своим вчерашним следам.

Теперь у нее была какая-то зацепка – бар «Хаос» на Васильевском.

Выйдя из «Чемодана», она снова тормознула машину и отправилась на Девятую линию.

Кафе-бар «Хаос», как значилось на вывеске, был открыт. Днем там подавали какую-то еду – это было написано на доске рядом с дверью, вечером – живая музыка.

Название заведения интерьеру явно не соответствовало – в зале было вполне прилично, никакого хаоса. Только возле стойки намалеваны какие-то пятна и круги цвета желтой охры. Да, хаоса они явно не создадут.

В остальном в помещении было вполне обычно – столики с деревянным покрытием, на них салфетки с такими же желтыми пятнами. Да, уж кому следовало бы отрубить голову, так это дизайнеру. Осознав эту мысль, Инга вздрогнула.

Народу в зале было совсем немного. Вот показалась официантка, приглашающе махнула рукой.

Инга села за столик, раздумывая, как бы половчее расспросить ее. Это с Лешей можно запросто, не следить за каждым словом, а с незнакомым человеком поосторожнее надо.

– Что будете заказывать? – спросила официантка, подойдя неслышно.

Была она помоложе Инги, но видно было, что повидала в жизни многое.

– Я... мне кофе, – промямлила Инга. В желудке тотчас поднялась буря, и она добавила: – Капучино без корицы и сахара.

Официантка принесла кофе быстро.

– Что-то еще? – спросила она, и в голосе ее Инга услышала странную настойчивость.

– Да, понимаете, – Инга осторожно подбирала слова, – я была здесь вчера...

– Знаю.

– И... забыла мобильный телефон! – выпалила Инга.

- Да? Ну пойдем посмотрим. Покажу тебе, где у нас все забытые вещи.

Не притронувшись к кофе, Инга пошла за ней через зал. Они прошли узеньким коридорчиком, в конце официантка открыла дверь своим ключом и впустила Ингу в маленькую комнату, где стоял письменный стол, шкаф и два довольно обшарпанных стула. Из шкафа девица вытащила картонную коробку, при виде которой Инга вздрогнула, а девица удивленно на нее покосилась.

- Ищи, - сказала официантка, раскрывая коробку, полную забытых вещей.

Инга нехотя перебрала чужое барахло. Были там несколько тюбиков помады, расчески, одна недорогая сережка, три простые зажигалки, золотой небось хозяин хватился бы, упаковка презервативов, два мобильных телефона.

- Не мои, - честно сказала Инга.

- Кто бы сомневался, - фыркнула девица.

- Что ты имеешь в виду?

Как-то незаметно они перешли на «ты».

- Ты кого обмануть хочешь? - спросила девица. - У меня глаз на такие дела наметанный. Ничего ты у нас не оставляла, а пришла сегодня, потому что хочешь кое-какую инфу получить.

- Допустим... - Инга покосилась на дверь, чтобы в случае чего дать деру. Хорошо, что деньги за кофе положила на стол, так что у этой девки не будет к ней претензий.

- Информация в наше время - товар. - Девица прищурилась. - Если ты понимаешь, о чем я.

- Сколько? - спросила Инга. - Только плата по факту.

Девица не ожидала ее быстрого согласия и замешкалась:

– Ладно, поговорим, а там уж...

– В общем, такое дело... – Инга прикинула, сколько денег у нее в кошельке, и почувствовала себя увереннее.

Как раз вчера в банкомате сняла побольше, кстати, деньги все при ней остались, несмотря на ночные приключения. Ясно, у того, кто притащил к ней ночью женское тело с головой Макса, были другие цели.

– Что-то ты, подруга, в лице переменялась, – сказала официантка. – Кофе-то не выпила.

– Слушай, давай уж по делу, – отмахнулась Инга, – некогда мне! Только, понимаешь, я ничего не помню.

– А что, напилась вчера в зюзю? – оживилась девица. – То-то я гляжу, какая-то ты заторможенная и с лица бледноватая.

«Еще бы», – усмехнулась про себя Инга.

– Так что рассказывай все по порядку, – предложила она.

– Ага. Насчет спиртного точно тебе скажу – не у нас ты напилась, – обстоятельно начала официантка. – Потому как принесла я тебе всего один бокал белого бордо, да и тот недопит оказался, когда вы ушли.

Точно, Инга пила только белое вино и не больше одного бокала, прислушивалась к наставлениям Дзюбы. Хоть и гад последний, а все же врач, как-то дело свое знает.

– В общем, пришла ты после него, он тебя ждал...

«Точно, я у Лешки в «Чемодане» его ждала, а Макс мне позвонил и велел сюда ехать. С Лешкиными словами сходится, да и врать ей вроде ни к чему».

- Вот я тебе скажу, подруга, только не обижайся: мужик у тебя, конечно, интересный, все при нем, да только тебе с ним ничего не светит, - выпалила Ксения.

- Это еще почему? - Инга сделала вид, что обиделась.

- Да потому что бабник он жуткий! Знаешь, есть такие мужики, для которых просто спорт такой - как можно больше баб иметь, причем одновременно. Вот он одной врет, другой врет, все время себя контролирует, чтобы имена не перепутать, а сам от этого кайф ловит. Не удивлюсь, если твой вообще женатый.

- Этого нет, я точно знаю, - машинально проговорила Инга.

- Кто такие вещи точно может знать? - вздохнула Ксения. - Может, они не расписаны, может, у него вообще два паспорта - один для жизни, а второй - чтобы бабам показывать.

- Ты ближе к делу, - посоветовала Инга. - Что имеешь конкретного сообщить?

- Сели вы вон в том углу, как раз мой столик. Принесла я выпивку, еды никакой не заказывали, только орешки да чипсы он грыз. Потом ты в туалет пошла, а к твоему подваливает одна баба.

- Кто такая? - напряглась Инга.

- Ага, заело, - усмехнулась Ксения. - Баба такая... В общем, все ее знают, кличка у нее Катька Мартини. Не первой молодости тетя, но из богатеньких.

- Не врешь? Что богатенькая в вашем заведении позабыла? - усмехнулась Инга. - Ты уж извини, подруга, но от одних ваших салфеток оторопь берет и в сортир тянет.

- Да ладно, мне-то что, - отмахнулась Ксения. - Знаю, что отстой у нас. Да только Катька эта, то есть мы ее так только между собой зовем, так вот у нее фишка такая - оденется попроще, парик даже напялит, думает, ее никто не узнает. И болтается по барам простеньким. Тут выпьет коктейль, там другой, так и доходит помаленьку до кондиции. Мартини очень любит, за это и кличку

получила. У нее где-то муж есть богатый, так она в свои дорогие заведения и не ходит – там все кругом знакомые, опять же так нажраться не дадут, домой отправят. А у нас ей полная свобода, никому до нее дела нет. Так она выпьет прилично и потом начинает мужиков клеить, которые помоложе да посимпатичнее.

– И соглашаются мужики-то? – Инга удивилась прозвучавшему в голосе любопытству.

– Не каждый, конечно, но иногда бывает. Куда уж она их возит – вот не знаю, потому как муж все-таки такого не потерпел бы в своем доме. Так-то он давно на нее рукой махнул, но бросить ее никак не может, имущество и деньги какие-то на нее записаны. Здесь все об этом знают, она сама по пьяни болтала.

– И что, она к моему, значит, тоже клеилась?

– Да не ревнуй, тут другое. Ушла ты, подваливает эта Катька к вашему столику – привет, говорит, Максик, как поживаешь. А он, как ее увидел, сразу лицом переменялся, позеленел даже. И выругался тихонько, я соседний столик как раз убирала, все хорошо слышала. А Катька под кайфом уже, вяжется к нему, пальцем грозит – вот, говорит, оказывается, как ты время проводишь. С блондинкой посторонней! Это она о тебе. Вот никому, говорит, из вас верить нельзя, все вы такие! Вот я, грозитя, Ульянке все расскажу!

– Ульянке, – сделала стойку Инга, – это кто еще?

– А я так поняла, что это твоего Максика постоянная любовница. – В голосе Ксении Инга уловила малую толику злорадства, но не обратила внимания на такие пустяки, ей было сейчас не до того. – Твой хахаль здорово переполошился и говорит, что она, мол, все совсем не так поняла и ты с ним здесь встретишься исключительно по работе, дело у него к тебе.

– О как, – пробормотала Инга.

– Ага, Катька так фыркнула, а потом и говорит, что, может, это и правда. Я, говорит, еще удивилась, что ты в этой выдре нашел, когда у тебя такая красотка есть. Ульяна-то с этой твоей воблой белобрысой ни в какое сравнение не идет!

– Так-так, – нахмурилась Инга, – вот, значит, как...

– Ага, ты уж не обижайся, только я как было, так и говорю. – Ксения сверкнула глазами. – А он, твой-то, тогда скривился так да и рявкнул, мол, говорю же тебе русским языком, что по делу я с ней разговаривал, стал бы я после Ульяны-то... Не половой же я гигант, в самом деле.

А Катька так игриво ему замечает, что кто его знает, чужая душа потемки... Дальше он меня заметил – тебе, говорит, чего надо? За каким бесом под ногами вертишься? Что здесь вынюхиваешь? Я поднос взяла да и ушла, ничего ему на хамство не ответила. Если мужик злой, лучше от него подальше держаться.

– Это точно. А что дальше было, ты не знаешь?

– Почему не знаю, – обиделась Ксения. – Как только отвязался он от Катьки, так сразу побежал из зала. Я как раз из кухни выходила, у нас там маленький коридорчик, слышу – он по мобиле разговаривает. Переносим, говорит, встречу, здесь людно очень. Там на него заорали, видно, он даже трубку отодвинул, потом послушал, говорит: нет, не отказываюсь, все будет как договаривались, девушка придет, блондинка, худая очень... Слушай, да это же он о тебе говорил, я только сейчас догадалась! Куда он тебя послал-то?

– Да не помню я ничего, говорю тебе: выпила там что-то не то.

– Где, в «Пещере»?

– Какой еще пещере? – оторопела Инга.

– «Пещера», бар новый на Наличной улице, хахаль твой как раз там условился встретиться. А с кем – меня не спрашивай, больше ничего не знаю. Дальше ты выходишь, он тебя поманил, сказал что-то, вы и ушли. Наверное, в «Пещеру» эту самую направились. Ты что, и правда совсем ничего не помнишь?

– Ничего, – отмахнулась Инга, – вот ничуточки.

– Слушай, это серьезно, может, уже лечиться пора? – встревожилась Ксения. – Может, твой тебя из-за этого бросил? Некоторые мужики это не переносят.

– Ладно, пойду я. – Инга поняла, что больше ничего полезного она из этой девицы не выжмет. – Бабок тебе сколько отвалить? Только у меня много нет.

– Да брось ты. – Ксения рассердилась. – Стану я на чужом горе наживаться, у тебя и так неприятности!

«Знала бы ты какие», – подумала Инга.

Теперь следовало наведаться в эту самую «Пещеру» по горячим следам, возможно, там она сможет что-то прояснить. По совету Ксении она накрасила губы валявшейся в ящике помадой и расчесала волосы. Помада была не ее оттенка, она никогда не пользовалась таким ярким цветом, но эффект оказался неожиданным – Инга больше не выглядела как оживший мертвец, о чем Ксения не преминула ей сообщить.

Простились они дружески, и Инга отправилась напрямиком на Наличную улицу.

Толкнув дверь очередного злачного заведения, она вошла внутрь и огляделась.

Бар «Пещера» вполне соответствовал своему названию. Грубые каменные стены в пятнах копоти, неровный сводчатый потолок, толстые оплывшие свечи на деревянных столах.

Инга подошла к барной стойке, за которой хозяйничал бармен – высокий мужчина лет сорока с густыми седеющими волосами и внешностью университетского профессора. Он смешивал в высоком бокале какой-то коктейль, но при виде Инги оживился:

– О, привет, я так и знал, что ты вернешься!

– Почему? – переспросила Инга, сама не зная, что имеет в виду: почему бармен знал, что она вернется, или почему на самом деле она снова сюда пришла.

– А вот почему. – Бармен жестом циркового фокусника извлек из-под стойки кашемировый шарф – бордовый, в темную полоску.

Инга узнала свой любимый шарф, который часто надевала в холодную погоду.

- Твой? - проговорил бармен, улыбнувшись глазами.

- Мой, спасибо! - обрадовалась Инга. - А я-то думала, где я его потеряла.

- Вот и вспомнила!

- Я тебе что-то должна?

- Конечно! Ты должна стать моей постоянной посетительницей! - Бармен явно веселился.

- Спасибо, - повторила Инга, повязывая шарф вокруг шеи.

- Что тебе налить? Хочешь коктейль?

- Ой, нет, мне нельзя спиртного! Кофе, пожалуйста.

- Нельзя спиртного? - Брови бармена удивленно полезли на лоб. - Вчера... Впрочем, как скажешь.

Он заправил кофемашину, поставил чашку на подставку.

В зеркале позади бармена Инга увидела какой-то мерцающий багровый отблеск.

Она повернулась к окну - на другой стороне улицы пульсировала неоновая реклама: бычья голова, красный глаз и надпись «Лучшие стейки в городе».

В глазах у нее потемнело.

Та черная дыра на месте вчерашнего вечера...

Там, в глубине этой дыры, вспыхивало такое же багровое пятно. Такой же багровый глаз, мерцающий в темноте.

Со вчерашнего утра ей казалось, что этот красный мигающий глаз впивается ей в мозг и выжигает все, что было там живого. Уже выжег, потому она и не помнит, что случилось вчера. А оказалось, что это просто дурацкая реклама.

Да, они с Максом были здесь вчера. Вот же и шарф она здесь потеряла.

- А что было вчера? - осторожно спросила она бармена.

- Не помнишь? Надо же, а вроде и не пьяная была.

Сказал без всякого удивления, видно, на своей работе повидал всякого.

- Поругалась со своим парнем, да? - участливо спросил он. - Все бывает, помиритесь. Я так понял, что делить вам вроде нечего, оба свободные люди.

- Да вроде так и есть. - Инга подбирала слова осторожно, как будто ступала по минному полю.

- Ты повинись перед ним, все же не дело это - взяла и ушла, ничего не сказала. Он сидит, ждет тебя как дурак. Может, конечно, у вас так принято, я не знаю, может, у вас такие ролевые игры. Только он очень разозлился, стакан разбил. Дело, конечно, житейское.

Инге представилась вдруг вечерняя улица, музыка гремит за закрывшимися дверями, и она бежит по этой улице и спотыкается на выщербленной плитке... Никто ее не преследует, только такое чувство, что нужно бежать, скорее бежать домой, а там закрыться на все замки и пережить эту ночь. А утром все будет иначе, утром всегда легче, недаром говорят, что утро вечера мудренее.

Ага, как же, особенно сегодняшнее утро, когда она нашла в своей постели чудовище!

Бездонная тьма вчерашнего вечера начала колыхаться, приподниматься, как театральный занавес. Инга пыталась что-то за ней разглядеть, но увидела только голову Макса на своей подушке, голову Макса с пришитым к ней женским телом. Голову, которую она отрезала маникюрными ножницами у себя в ванной.

Ее снова замутило, как тогда, утром.

– Эй, с тобой все в порядке? – осведомился бармен, поставив перед ней дымящуюся чашку кофе.

– Да, все, – пробормотала Инга, но тут же соскочила с высокого табурета и устремилась в туалет.

Ее вывернуло непонятно чем – ведь за весь сегодняшний день она не съела ни крошки. Во рту был мерзкий привкус желчи. Когда приступ прошел, она подошла к раковине, прополоскала рот, долго плескала в лицо холодной водой. Ей немного полегчало, и в эту минуту за спиной раздался скрипучий голос:

– Отблевалась? Теперь отдай!

– Что? – переспросила Инга в недоумении.

В зеркале у себя за спиной она увидела невысокого широкоплечего мужчину в сером твидовом пиджаке.

– Сдурел? – проговорила она, поворачиваясь. – Проваливай, чертов извращенец! Это женский туалет!

– Я в курсе, – ответил мужчина и неприязненно скривился. – Отдай – и я уйду.

– Что тебе от меня нужно? Кошелек?

– Да на черта мне твой кошелек. – Мужчина повысил голос, на лбу у него проступили жилы. – Не зли меня! Отдай мне это – и разойдемся по-хорошему!

– Да о чем ты говоришь?! – выкрикнула Инга, пытаясь обойти незнакомца, проскользнуть к двери.

– Ты отлично знаешь о чем! – Он отступил в сторону, преграждая ей дорогу. – Если ты снова пришла сюда – значит, ты все знаешь! Отдай мне это!

В голове Инги все смешалось. Черная дыра вчерашнего вечера, голова Макса на ее подушке, эта же голова в картонной коробке, в морозильной камере ресторана... Что нужно этому человеку? Что она должна отдать? Голову Макса? Ухоженное тело неизвестной женщины?

- Что тебе нужно? - повторила она.

- Опять ты за свое! Ты отлично знаешь, что мне нужно. Отдай мне это, если хочешь остаться в живых! - Мужчина шагнул к ней, схватил за горло холодными железными пальцами.

Инга попыталась ударить его коленом, но незнакомец прижал ее к стене, так что места для удара не осталось. Руки на горле сжимались все сильнее и сильнее, Инга дышала с трудом, с тяжким хрипом, в глазах у нее начало темнеть.

Словно играя с ней, мужчина ослабил хватку, но только для того, чтобы спросить:

- Ну как, передумала? Отдашь мне это? - Он обжег ее своим взглядом.

- Я не знаю, о чем ты, - прохрипела Инга.

- Все, ты меня по-настоящему разозлила, - прошипел мужчина и снова сдавил горло.

Глаза Инги залила бездонная, непроницаемая тьма, она провалилась в беспмятство...

И снова, как той ночью, самой страшной ночью в жизни, она вошла в свой дом, обошла его, окликая сестру. Та не отзывалась, и вдруг Инга увидела откинутую крышку подпола. Она почувствовала, что случилось что-то страшное, но начала спускаться в погреб по скрипучим ступеням навстречу странному колеблющемуся свету.

И увидела сестру. Линку, свою младшую сестренку.

Увидела ее мертвое лицо, сложенные на груди руки и расставленные вокруг свечи.

Отсветы этих свечей плясали по стенам погребца, отбрасывали блики на лицо сестры. Инга шагнула вперед и вдруг услышала за спиной шаги. Это было так страшно, что Инга закричала... От страха и от того, что в груди разрасталась боль от понимания – все, что она видит перед собой, правда, сестра мертва, все кончено, и ничего уже не поправить.

И очнулась от собственного крика.

Она полусидела на кафельном полу туалета, привалившись к холодной стене. В глазах все еще было темно, горло мучительно болело, но она могла дышать. Воздух вливался в легкие, как целебный бальзам. Инга дышала и не могла надышаться.

Значит, тот человек все же отпустил ее, не стал убивать.

А сам-то он где?

Вслед за сознанием к ней начало возвращаться зрение. У противоположной стены она увидела полусидящего, как и она, человека. Мужчину в сером твидовом пиджаке.

Сейчас на нем был яркий шейный платок, которого Инга прежде не заметила.

Мужчина сидел неподвижно и смотрел на нее.

– Эй, – окликнула его Инга, – ты что надумал?

Он не отвечал. Он только странно улыбался. В этой улыбке была какая-то неправильность.

– Черт бы тебя побрал! Чему ты улыбаешься? Ты наконец оставишь меня в покое?

Он ничего не ответил, даже не шелохнулся, только продолжал улыбаться своей дьявольской улыбкой.

Инга встала, слегка покачиваясь, шагнула вперед, пригляделась к незнакомцу.

И ее снова затошнило, хотя желудок давно был пуст.

То, что она приняла за яркий шейный платок, оказалось залитой кровью рубашкой. А то, что ей показалось безумной улыбкой незнакомца, – его перерезанным горлом. Перерезанным от уха до уха.

– Черт, – выдохнула Инга, попятившись, – черт, черт! Только этого мне не хватало!

Хотя за последний день она уже такого навиделась, что перерезанное горло незнакомца ненадолго выбило ее из колеи. Во всяком случае, голова у него была на месте.

И у самой Инги голова была на месте, и, как ни странно, в ней были какие-то мысли.

Хорошо, подумала Инга, хорошо, что она пришла в себя. Кто бы ни убил этого человека, оставаться рядом с его трупом – самое глупое, что можно придумать. Нужно привести себя в порядок и уходить, пока никто ее не обнаружил здесь.

Инга снова подошла к раковине, умылась холодной водой и придирчиво осмотрела себя.

Как ни странно, на ее одежде крови не было, только одно красное пятнышко на левой щеке. Инга его аккуратно смыла.

Тошнота прошла окончательно, в голове было пусто и чисто, как в только что убранной комнате. Она пригладила волосы, еще раз осмотрела себя и решила, что в таком виде сможет пройти через бар, не привлекая внимания.

И тут дверь у нее за спиной с негромким скрипом открылась.

Инга резко обернулась и увидела на пороге блондинку в узких черных брючках и облегающей розовой кофточке. Круглые голубые глаза удивленно обежали помещение, остановились на мертвом человеке.

Ярко-алый рот девицы округлился, глаза вылезли из орбит, и она закричала высоким оглушительным голосом.

- Тихо ты, - попыталась утихомирить ее Инга и даже шагнула навстречу.

Лучше бы она этого не делала.

Девица завизжала еще громче, попятилась, не сводя с Инги взгляда, и наконец, не переставая визжать, как сирена, бросилась наутек.

«Все, - подумала Инга почти спокойно, - уйти незамеченной не удастся. Сейчас здесь будет толпа, еще через десять минут появится полиция, а еще через полчаса меня отвезут в камеру. И на этот раз Иван ничего не сможет сделать».

Инга огляделась.

Она увидела в дальнем углу комнаты окно с матовым стеклом. Судя по всему, это окно выходит на улицу, так что если ей удастся в него выбраться...

В коридоре слышались шаги и голоса. Среди них выделялись всхлипы перепуганной блондинки, остальные пытались ее успокоить.

Инга метнулась к двери, плотно закрыла ее, повернула задвижку.

Вряд ли это их надолго задержит, но все же даст ей минуту, а может, и две.

Она подскочила к окну, дернула ручку.

Ручка не поддавалась.

Шаги уже приблизились к самой двери туалета, кто-то снаружи подергал дверь.

Инга снова попыталась открыть окно.

Безуспешно.

Тогда она бросилась к окровавленному трупю незнакомца.

Преодолевая брезгливость и отвращение, ощупала его карманы.

У такого человека должно быть какое-то оружие.

Стараясь не испачкаться в крови, Инга трясущимися руками проверила карманы твидового пиджака – и в одном из них нашла небольшой, но тяжелый металлический цилиндрик.

Ей уже приходилось видеть такой. Иван как-то предлагал ей точно такой же для самозащиты.

Инга встряхнула его – и цилиндрик превратился в полуметровую телескопическую дубинку.

То, что надо.

В дверь уже колотили.

Инга вернулась к окну и, закрыв лицо локтем от осколков, ударила металлической дубинкой.

Матовое стекло с жалобным звоном разлетелось, в разбитое окно хлынул сырой воздух и звуки вечернего города. Чтобы не порезаться, Инга выбила торчащие из рамы осколки, вскочила на подоконник и выпрыгнула на улицу.

Окно выходило в безлюдный переулок.

Инга добежала до угла и, прежде чем свернуть на оживленную улицу, перешла на шаг, чтобы не привлекать внимания. Постаралась выровнять дыхание. На часах мобильного было без пяти шесть. Вокруг сновали люди. Они шли с работы

домой или по своим делам, Ингу обогнала стайка девчонок, мужчина с портфелем слегка задел ее плечо, пробормотал извинения и поспешил дальше.

Навстречу парень вел палевого лабрадора. Пес потянулся к Инге, но вдруг зарычал и вздыбил шерсть на загривке.

«Кровь почуял!» – молнией пронеслось в голове у Инги.

– Макс, назад! – Парень натянул поводок, а Инга шарахнулась в сторону и прыгнула в первую попавшуюся маршрутку. Села на заднее сиденье и отвернулась к окну. Никто не смотрел на нее, никому не было до нее дела.

«Что это было? – думала Инга, отвертеться от мыслей не было никакой возможности. – Кто этот тип, который требовал от меня это? Что это такое? Взяла, сказал, – отдай». Подразумевалось, что если Инга отдаст ему это, то, не знаю что, он ее отпустит. Но сейчас она ясно понимала, что вряд ли он ее отпустил бы, просто придушил бы по-тихому и смылся, и тогда та дура с глазами-пуговицами увидела бы ее, Ингин, труп. То есть серьезно человек был настроен.

И кто, интересно, перерезал ему горло, пока Инга валялась без сознания? А Ингу не тронул, и это тоже вопрос, на который нет ответа.

Глава 3

Через полчаса она была дома.

Закрыв за собой дверь, Инга остановилась в прихожей, переводя дыхание. Ее трясло от всего пережитого. Хотелось принять душ, а еще лучше – полежать в ванне, чтобы сбросить невыносимое напряжение, смыть весь ужас минувшего дня.

Но в этой ванне сегодня утром лежало женское тело с головой Макса, и она отрезала эту голову. Больше никогда она не сможет лечь в эту ванну.

Под душ Инга все же встала, пустила горячую воду и долго стояла под обжигающими струями, пока не почувствовала, что сжимавший ее спазм прошел, тело перестало дрожать.

Она насухо растерлась жестким полотенцем, высушила волосы и оглядела себя в зеркале.

Лицо было бледным, под глазами темнели синяки, но это вполне поправимо, достаточно воспользоваться косметикой, и она станет похожа на человека. Правда, с ужасом, таящимся в глубине глаз, ничего не сделаешь, но он и не каждому виден.

Ей захотелось принять очередную таблетку из заветного флакона, но Инга решила, что, пока нет того давящего, невыносимого ужаса, от которого темнеет в глазах и сердце колотится, как отбойный молоток, нужно справляться собственными силами.

Заняться уборкой, как советовал Иван? Выстирать белье и выскоблить всю квартиру, чтобы не осталось в ней ни крошечки, ни малейшей частички того, что было утром? Надо бы, но нет сил. Но оставаться в этой квартире она не может, здесь все напоминает о сегодняшнем пробуждении.

И как бы тщательно она ни прибралась, в памяти останется то, что здесь было утром, и никакие моющие средства не помогут.

В это время послышался сигнал мобильного. Иван прислал сообщение с единственным словом: «Нашли».

Значит, они нашли женское тело. Быстро, ничего не скажешь.

Был уже десятый час вечера.

Инга решила снова наведаться в бар «Хаос» и попробовать найти ту женщину, о которой ей рассказала тамошняя официантка. Женщину, которая накануне разговаривала с Максом. Как ее назвала официантка? Катька Мартини? Может быть, у нее удастся что-то узнать о вчерашнем вечере и о самом Максе. И о той

загадочной Ульяне, с которой у Макса была связь.

Вот интересно, для чего Макс встречался с Ингой, если у него была эта самая Ульяна? Одной бабы ему было мало? Надо же, а она ведь ничего не замечала.

Да она вообще о Максе мало думала. Встречались раз в неделю, был бурный секс, который помогал ей существовать, и она забывала о Максе до следующей встречи. Что он из себя представлял, чем вообще занимался – ей было как-то все равно. Мужик интересный, в постели с ним хорошо, а больше ничего и не нужно. Она никогда не задавала ему вопросы, откуда он родом, кто были его родители, какое получил образование. Надо сказать, он тоже ни о чем Ингу не спрашивал, именно это в нем и привлекало. Кроме секса, конечно. И вот теперь приходится по крохам собирать информацию.

Инга тщательно поработала над своей внешностью, нарисовалась ярче, чем обычно, надела черный обтягивающий свитер и синюю кожаную курточку. Шарф решила не брать: он чересчур приметный. Зачесала волосы гладко, еще смазала их гелем и отправилась на Девятую линию Васильевского острова.

Теперь в баре было куда болеелюдно, чем днем.

Знакомая официантка сменилась, и Инга решила, что это только к лучшему, уж больно девица болтливая. И еще она решила ни у кого ни о чем не спрашивать, попытаться самостоятельно вычислить знакомого Макса.

Она села на табурет возле стойки, заказала чашку чая, к немалому удивлению бармена, и принялась осматривать посетителей, чтобы отыскать среди них Катьку Мартини.

Задача была не из легких, она эту Катьку никогда не видела, и вообще не факт, что та сегодня пришла в бар.

Инга вспомнила старую поговорку – трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Не будешь же подходить к каждой женщине и спрашивать: простите, вы не Катя? Две из трех просто пошлют подальше, а третья может и в глаз засветить, здесь публика простая, долго не думает.

Она незаметно оглядывала зал. Возле дальнего конца стойки заметила странную парочку: сильно накрашенная вульгарная женщина лет около сорока в сбившемся набок светлом парике и молодой смуглый парень с капризным ртом и прямыми темными волосами. Женщина мелкими глотками отпивала мартини из треугольного бокала и что-то увлеченно шептала парню на ухо, тот брезгливо морщился и вертел головой. Наконец он в упор взглянул на свою собеседницу и громко проговорил:

- Да вали ты к чертовой матери! Надоела!

- Сам вали! - огрызнулась женщина.

Парень, ни слова не говоря, соскочил с табурета и ушел в другой конец бара. Оставшись одна, женщина допила свой мартини, заказала еще один, сделала большой глоток и грустно уставилась в пространство, подперев подбородок кулаком.

Инга взяла свою чашку чая и под села к любительнице мартини. Та не обратила на нее внимания.

- Привет, Катя, - проговорила Инга, выждав пару минут, - как поживаешь?

- Привет, - отозвалась та и покосилась на соседку. - Я тебя знаю?

Инга увидела, что глаза Катьки с трудом фокусируются на одной точке и вообще она здорово пьяна.

- А, знаю, - проговорила она после недолгого раздумья, - ты вчера была здесь с Максом.

Вот черт, а бабенка-то не промах. Сразу ее вычислила, хотя и здорово уже набралась.

- Допустим, - отозвалась Инга. - А ты его откуда знаешь? В детский сад вместе ходили?

– Я-то? Да я всех стоящих мужиков знаю, – пробормотала Катька заплетающимся языком. – Хотя что я говорю? Где они, стоящие мужики? Одно барахло. – Она бросила затуманенный взгляд в сторону покинувшего ее красавца и со вздохом повторила: – Одно барахло... Слова доброго не стоят, а выделяются!

– Меня все не интересуют, ты мне скажи конкретно, откуда знаешь Макса.

Катька подняла свой бокал, с грустью убедилась, что он пуст, и снова тяжело вздохнула:

– Да что же это такое! Только что заказала – а уже ничего нет! Какие у него бокалы маленькие!

Инга поняла намек и махнула бармену:

– Еще один мартини для моей подруги!

Катя оживилась, облизала губы и проговорила:

– Значит, ты на Макса серьезно глаз положила?

– Не то чтобы очень серьезно... Но, в общем, да. – Инга решила притвориться девицей простой, как грабли. У такой что на уме, то и на языке, а потом удивляется, что в жизни не преуспела.

– Зря. – Катя тряхнула головой, отчего парик сполз еще больше. – Зря, ничего серьезного у тебя с ним не выйдет.

В глазах ее было легкое пренебрежение.

– Почему это? – Инга сделала вид, что обиделась. – Он мне, если хочешь знать, предложил вместе жить.

– Ой, да не смей меня! Мужики, они чего только не обещают, когда им приспичит!

В это время подоспел новый бокал, Катино лицо посветлело, она сделала большой глоток. Потом снова взглянула на Ингу и мучительно напряглась:

– О чем мы говорили?

– Ты сказала, что у меня с Максом ничего не выйдет. Вот интересно почему? Ты, подруга, уж начала, так договаривай.

Катка посмотрела пренебрежительно, дескать, видали мы таких подруг, но вспомнила про бокал мартини и ответила по-хорошему:

– Да потому, что он с Ульяной романится.

Тут она поперхнулась и испуганно взглянула на собеседницу:

– Ой, что я болтаю, видно, перебрала свою дозу... Не надо мне больше пить.

– С Ульяной, – вскинулась Инга, – с какой Ульяной?

– Да я не знаю, – заюлила Катя. – Это у меня так просто с языка сорвалось...

– Уж сорвалось так сорвалось! – Инга придвинулась вплотную к соседке. – Слово не воробей, начала – так уж договаривай. Кто такая Ульяна?

Катя все еще мялась, глаза ее бегали.

Инга снова призывно махнула бармену и заказала еще бокал мартини.

Катя вздохнула и начала, как будто бросилась в холодную воду:

– С Ульяной Спасской у твоего Макса роман. Только я тебе ничего не говорила, ты понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Инга, – я никому ни слова. А кто такая эта Ульяна Спасская?

– Да ты что? – Катя удивленно уставилась на Ингу, выпучила глаза. – Ты что, реально с дуба рухнула? Как можно не знать Ульяну Спасскую?

– А вот представь, не знаю. – Инга начала злиться, ей надоело по капле выдавливать информацию из пьяной бабенки. – Мы с тобой, подруга, в разных кругах вращаемся. Ты вот, наверное, тоже не знаешь, кто такой Стив Джобс. Так что кончай выпендриваться, а лучше рассказывай, что знаешь.

– Стив Джобс? – переспросила Катя, наморщив лоб. – Вроде знакомое имя...
Артист, что ли?

– Сама ты артистка! Говорю тебе: выкладывай срочно, кто такая эта Ульяна и что у нее с Максом. И кстати, почему ты о ней так боишься рассказывать?

– Ульяна, – Катя придвинулась к Инге и таинственно понизила голос, – Ульяна – жена Вадима Спасского! Только не говори, что ты и о нем ничего не знаешь.

– Вроде слышала где-то эту фамилию. Но лучше ты мне все сама расскажи.

Катя опасливо огляделась и зашептала:

– Это тот самый Вадим Спасский! Владелец строительной компании «Спас-строй», владелец «Спас-банка», в общем, очень крутой мэн, очень влиятельный. И очень ревнивый. Вот моему мужу – ему уже давно наплевать, где я и с кем...

– Так ты замужем? – удивленно переспросила Инга, оглядев свою собеседницу. – А я думала...

– Ай, я, считай, свободная женщина Востока. – Катя махнула рукой. – У мужа своя жизнь, у меня своя, мы друг другу стараемся кровь не портить. Но Спасский – совсем другое дело, он за своей Ульяной следит, как этот... федерал. В смысле феодал. Шаг влево, шаг вправо – сразу расстрел, то есть развод, а это для нее еще хуже расстрела. Потому что у него с Ульяной такой брачный договор, что при разводе она ни гроша не получит. Поэтому она так тихарит свой роман с твоим Максом. Он-то совсем не того поля ягода, и если муж Ульянку кинет на ржавый гвоздь, то Максик ей ничем не поможет. Кто его знает, что за тип. Откуда взялся – неизвестно. Такой весь из себя интересный и таинственный,

глазами играет, туману напускает, нам, бабам, это нравится. Вот что денег у него нет – это точно, так что Ульяна здорово рискует. Ее дело...

– Что-то у тебя не вяжется, – проговорила Инга, – сама говоришь, что Ульяна рискует сильно и потому тщательно роман с Максом скрывает. А получается, что все об этом знают, так ведь и до мужа скоро дойдет. Что-то ты, Катя, сама с собой расходишься в показаниях.

– Не все, – встрепенулась Катя. – Никто не знает, я случайно, случайно их видела! Ульяна очень просила никому не говорить, я ей слово дала...

«Да кто твоему слову поверит, – брезгливо подумала Инга, – небось денег с Ульяны за молчание слупила, оттого и молчала, что надеялась еще получить за шантаж. А теперь вот не удержалась и разболталась. Ладно, меня это не касается, не мои проблемы».

Катя поникла головой и протянула:

– Ой, если они узнают, что я тебе о них наболтала, мне мало не покажется.

– Не узнают, – уверенно заявила Инга. – Только ты мне расскажи все, что знаешь про эту Ульяну. Где она бывает, с кем общается, чем занимается и все такое.

– Да зачем? – опасно спросила Катя. – Ты что, хочешь ей грандиозный скандал устроить? Глаза выцарапать, волосики повыдергать, в морду плюнуть? Вот этого не советую, можешь большие неприятности поиметь. Это тебе не какая-нибудь девочка из бара, это жена самого Спасского! Да ты к ней и близко не подойдешь! Так что оставь пустые мечты.

– Это уж мое дело, чего я хочу, – отрезала Инга.

– Ты же обещала ей ничего обо мне не говорить, – заныла Катя. – Ты обещала...

– Не беспокойся, не скажу! А ты давай излагай!

– Вот, значит, ей Спасский галерею купил, чтобы не скучала и на сторону не смотрела.

– Галерею? – удивленно переспросила Инга. – Какую еще галерею? Бутик, что ли?

– Бери выше, галерею современного искусства. На набережной Фонтанки, называется «Колючка». Я один раз в эту галерею зашла, чисто из любопытства, хотела посмотреть, чем это Ульяна там занимается. Так ты прикинь – скручены какие-то фигуры из проволоки, приделаны пластинки из ржавого железа, и это называется современным искусством. За большие деньги, между прочим, продают! Тут себе лишний коктейль заказать не можешь, а люди огромные деньги на ржавую проволоку выбрасывают!

Инга поняла намек и заказала собеседнице еще один коктейль.

Как выяснилось, это было ошибкой: Катя, сделав большой глоток, уронила голову на стойку и уснула.

– Черт, что мне теперь с ней делать? – пробормотала Инга, оглядываясь по сторонам.

– Не волнуйся, – раздался рядом с ней голос бармена, – она каждый вечер так. Напьется, отключится, я такси вызываю, таксист ее до дома довозит и сдает с рук на руки мужу.

– И муж к этому спокойно относится?

– Представь себе. – Бармен развел руками. – Я уже без малого пятнадцать лет барменом работаю и одно четко понял: люди очень разные. Каждому, как говорится, свое. Может, ее мужу важно, чтобы эта Катя в его жизнь не лезла и поменьше на его глазах была.

– Все может быть, – пробормотала Инга.

Домой она вернулась во втором часу ночи.

Она безумно устала за этот бесконечный день, но боялась ложиться в постель – перед глазами вставало минувшее утро и голова Макса на подушке.

Подумав, она нашла в кладовке надувной матрас и устроилась на кухне. Здесь было тесно, жарко и неудобно, но все же усталость взяла свое, и Инга заснула.

И ей снова приснился тот самый сон.

Она лежит на сыром и холодном полу подвала. Тяжелый потолок нависает над ней, и по этому потолку и по стенам пляшут багровые отблески свечей. Словно отблески адского пламени.

Сами свечи расставлены на полу двумя ровными рядами, а между ними, сложив руки на груди, лежит сестра.

Инга пытается позвать кого-то на помощь, пытается крикнуть, но из горла вырывается только хрип.

Она пытается подняться, но страшная боль в сломанной ноге пронзает ее, как молния.

Остается только одно – лежать и ждать, когда к ней придет милосердное забвение.

Пламя свечей тускнеет, дышать становится тяжелее – и Инга понимает, что в запертом подвале кончается кислород.

Она дышит, и свечи горят, расходуя живительный воздух. Кислорода хватит еще, может быть, на час, самое большее на два. Нужно потушить свечи, тогда, может быть, она проживет дольше. Немного дольше. Но она останется в полной темноте... Можно погасить хотя бы часть свечей.

Инга повернулась, чтобы задуть ближние свечи.

И проснулась.

Снова, как вчера, сквозь кухонные занавески просачивался болезненный утренний свет.

Только сегодня она, к счастью, была одна.

Инга вспомнила ужас вчерашнего пробуждения – и захотела как можно скорее принять спасительную таблетку. Как хорошо, что вчера наведальась к Дзюбе...

Она поднялась с матраса, покрутила головой, восстанавливая кровообращение, и поплелась в комнату, где вечером оставила флакон с таблетками.

Вспомнила сальный взгляд Дзюбы, его короткие волосатые пальцы... Как хочется не видеть его долго-долго!

А это значит, что нужно научиться обходиться без таблеток.

Хотя бы принимать их не каждый день, только когда без них никак не обойтись.

Вместо того чтобы искать флакон, Инга отправилась в ванную и встала под душ. Пустила такую горячую воду, какую едва можно было терпеть, и потом переключила на ледяную, от которой все тело покрылось гусиной кожей.

Повторив эту процедуру несколько раз, она почувствовала себя человеком и решила, что готова к новому дню, что бы он ей ни готовил.

На мобильнике мигало сообщение с просьбой позвонить, номер незнакомый. Инга с опаской нажимала кнопки, однако это оказалась та самая пожилая медсестра из наркологического диспансера.

Нынче голос был у нее не такой сухой и усталый, видно, звонила из дома. Она спокойно сообщила, что анализ крови Инги показал наличие в этой самой крови ксенобарбитала, этот препарат из серии барбитуратов в крошечных дозах применяют как успокоительное, а от такой дозы, как у Инги, можно было вообще не проснуться. Ксенобарбитал вызывает частичную потерю памяти, спутанное сознание, иногда – параноидальный бред.

Ингу уже ничто не могло удивить, она примерно так и предполагала.

– Скажите, а можно принять его и не заметить? Со спиртным, например?

– Еще и со спиртным, – вздохнула медсестра. – Некоторые люди совершенно наплеватьски относятся к собственной жизни!

После этого разговор прервался, очевидно, медсестра в сердцах бросила трубку.

Инга подумала немного, прислушалась к себе. Нет, воспоминаний никаких не было, придется рассуждать логически.

Значит, в «Хаосе», как утверждает официантка Ксения, она напиться никак не могла. Ксения принесла ей бокал белого сухого вина, сама его налила из бутылки, поставила на поднос и отдала Инге.

Инга держала его в руках или на столе рядом, никто к их столику не подходил. Потом Инга пошла в туалет, а к Максиму под села Катя Мартини. Думать на нее тоже не стоит – не того поля ягода, пьянчужка обычная. Подсыпать в бокал отраву ей слабо. Но в принципе бокал оставался без присмотра какое-то время. Оно-то так, но дальше Макс перехватил ее в холле и сразу увел, Ксения так сказала, а она хоть и болтушка, но наблюдательная.

Значит, подсыпали Инге этот самый ксенобарбитал, или как его там, в баре «Пещера». Но кто – бармен?

Вряд ли, тогда он не был бы так спокоен, когда она пришла туда вчера днем. Шутит еще с ней, шарфик отдал. Тогда бы он знал, что она ничего не помнит, и шуганул просто – знать ничего не знаю, первый раз тебя вижу. Макс? Да зачем ему, говорил же бармен, что он ее хватился, ждал, искал и очень был зол. Значит, не он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-aleksandrova/svyaschennye-chudovischa>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)